

ФРАГМЕНТ ПОЭМЫ О ТРИСТАНЕ

Хоть мил мне брег¹, но вал морской мне страшен.
Он скрыл того, кем был сей мир украшен.
Душа певцов, кумир геройских брашен, —
И благороден был он, и бесстрашен.
В нем, что испил отвар из чудной чаши,
Любовный пламень смертью не угашен.

Хоть мил мне брег, мне жуток вал на море.
Как тать ночной, он яр и необорен.
Не хватит слез — души оплакать горе
И смыть воспоминанье о позоре².
С рассудком сердце вечно будет в споре.
Размыслим же, Кехейк³, о договоре.

Весть о беде меня гнетет жестоко.
Краса героев, ты сражен до срока.
А мнилось, я не буду одинока
Там, где листки несет струя потока⁴.

.....
Страшись же, карлик⁵, ярый гнев Дрёстана
Тебя настигнет поздно или рано.
Я Марха предала тебе нежданно,
Чтоб отомстить Кехейку за обманы.
Меня обвел он сладкой ложью низко,
Но злобен ты, я знаю: гибель близко.

Беруль

РОМАН О ТРИСТАНЕ

Король проклятья карле шлет¹.
«Как обманул меня урод!
Из-за него терплю позор —
Таюсь на дереве, как вор!
Племянник мой им оклеветан.
Повешу горбуна за это!
Он дело черное затеял,
Во мне к Изольде злобу сеял,
А я поверил, о глупец!
Но дорого заплатит лжец!
Пусть только попадетя в руки —
Неслыханные примет муки!
Таких и Сегосон² не знал,
Когда его врасплох застал
С женой своею Константин.
Могучий этот властелин
Короновал супругу в Риме,
Дарил камнями дорогими,
Почетом, лаской окружил
И как потом по ней тужил!»

Тристан давно во тьме исчез.
Король с сосны высокой слез.
Себе твердит он, что верна
Прекрасная его жена.
Бароны на нее клеветают.
Так пусть изветчики трепещут!

Все видел сам и все проверил,
Коварство гнусное измерил.
«Дрожи, Фросин!³ За эту ложь
Ты от возмездья не уйдешь!
Я так в племяннике моем
Теперь уверен, что вдвоем
Оставил бы с моей женою
В укромном, запертом покое.
Томи обоих грех плотской,
Была бы нынче не такой
Их встреча здесь наедине!
Пришлось бы поневоле мне
Внимать любовным их признаньям,
А не укорам и стенаньям.
Они ни в чем не виноваты,
А я поверил тем проклятым⁴
И вот казню себя за это.
Как глупо доверять наветам,
Подозревать, таить тревогу,
Выслеживать, но, слава богу,
Их разговор открыл мне очи.
Благословенье этой ночи!
Такое нынче я узнал,
О чем не думал не гадал.
Чуть до рассвета доживу —
Тристана в замок призову,
Отныне вход ему свободный,
Хоть в спальню, хоть куда угодно.
Он жить не будет на чужбине!»

Послушайте о злом Фросине.
Он был горбат и видом гнусен,
В гаданьях, в волшебстве искусен,
Следил в ночи за небосклоном,

За Люцифером, Орионом⁵,
За домами семи планет.
Дитя рождалось ли на свет —
Его грядущая судьбина
Была открыта для Фросина.
За эти знания чародей
Душою заплатил своей.
Горбун Фросин стал темен ликом,
О гневе короля великом
Прознав по звездам в небесах,
И одолел Фросина страх,
И он немедля в путь пустился,
В земле Уэльской притаился.
Его никто сыскать не может,
И короля досада гложет.

Изольда в спальню воротилась,
К плечу Бранжъены прислонилась.
Служанка видит, что она
Как лист трепещет и бледна,
И вопрошает, вся дрожа:
«Что приключилось, госпожа?»
В ответ Изольда: «Горе мне!
У водоема на сосне
По вражьему по наущенью
Король таился, скрытый тенью.
Бранжъена, быть бы тут беде,
Но отразился он в воде,
И мне всемилостивый Бог
Тристана упредить помог.
Я не сказала, что сейчас
Король подслушивает нас,
Но рыцарю пеняла, плача,
Зачем свиданье мне назначил —
Ужели он Изольде враг?
И мне Тристан ответил так:

Мол, королю всем сердцем предан,
Но недругами оклеветан
И умоляет, бога ради,
Его очистить перед дядей.
Тогда сказала я Тристану,
Что короля просить не стану,
Пусть больше не зовет меня
Ни ночью, ни при свете дня.
Не знаю, что еще плела,
Но слезы горькие лила,
И все на веру взял король».

Бранжъена ей: «Сказать дозволю:
Была ты снискана сегодня
Великой милостью Господней.
О нас всю правду знает Бог,
И от напасти уберег,
И короля Он успокоил,
И козни тайные расстроил,
И спас тебя из западни.
Пред Ним колени преклони.
Всевышнему лишь тот угоден,
Кто сердцем чист и благороден».
Тристан увидел Говернала⁶
И все от самого начала
Ему поведал — как спасенье
Им даровало Провиденье.

А карлик, злобу затая,
Бежал от гнева короля.
Король приходит в свой покой.
Изольда в страхе. «Боже мой!
Ты, государь? Один, без слуг?
Какой томит тебя недуг?
Какая на душе досада?» —
«Вопрос тебе задать мне надо.

Я больше не желаю лжи,
Ты мне всю правду Расскажи». —
«Пусть грудь мою пронзит стрела —
Тебе, король, я не лгала.
Пусть смерть меня постигнет злая —
Тебе ни разу не лгала я». —
«Ответь, встречалась ли с Тристаном?» —
«Не оскорблю тебя обманом:
Да, я нарушила приказ.
Племянник твой в полночный час
Стоял, укрывшись под сосной,
И долго говорил со мной.
Да, я видалась с ним в ночи.
Убей меня иль заточи,
Но повторять я не устану —
Нет похоти во мне к Тристану.
Пощады, государь, пощады!
Меня сгубить злодеи рады,
Но помыслы мои чисты,
Не верь наветам клеветы!
Увы, увы! Ты к ним не глух,
А к правде замыкаешь слух.
Под той сосной Тристан стоял.
Он о свиданье умолял,
И ночью я к нему пришла.
О государь, его дела
Забывать Изольде не пристало:
Он на смерть бился, дабы стала
Я королевою твоей⁷.
Когда б не карлик-чародей,
Не клевета, не наговоры,
Ты сам к нему склонил бы взоры.
Ты государь, владыка мой,
А он племянник твой родной,

И этим сердцу мил и дорог.
Но льет отраву лютый ворог,
Наушники бесстыдно лгут —
Пусть их накажет Божий суд!
Король, тебя ввели в обман.
Меня ввечер молил Тристан,
Чтоб заступилась пред тобой,
Но я не тронулась мольбой,
Твердила, не боясь обидеть, —
Его, мол, не желаю видеть
И короля просить не стану.
Так говорила я Тристану.
И это все. Мне лгать негоже.
А если ты не веришь, что же,
Убей, вонзи мне в сердце нож,
Но ты безвинную убьешь.
Тристан собирается в дорогу.
Просил помочь хотя б немного, —
И конь, и весь доспех в закладе.
Меня молил он, бога ради.
Поклясться в этом я могу.
Убей на месте, если лгу.
Он получил бы от меня
Доспех богатый и коня,
Но я помочь ему не смею,
Перед тобой, король, робею.
Гол как сокол племянник твой,
Нет ни монетки⁸ за душой,
Уходит он, как нищий путник, —
Да будет Бог ему заступник!
Худого дела нет за ним,
За что же он тобой гоним?»

Король ее словам внимает
И королеву обнимает,

Целует ласково в уста:
Он знает, что она чиста,
И ночью убедился в этом,
Не станет доверять наветам,
Меж ними будет мир и лад.
Тристан достоин всех наград
И будет награжден без меры.
Нет больше корнуэльцам веры.
И тут король поведал ей,
Что чернокнижник-чародей
Их встречу тайную предвидел,
Что, на сосне высокой сидя,
Как подучил Фросин вечер,
Он слышал весь их разговор.
«Ты был в саду на той сосне?» —
«Святой Мартин⁹ свидетель мне,
Внимал беседе до конца,
Не упустивши ни словца.
Тристан напомнил, как от дани¹⁰
Меня упас в кровавой брани,
И сердце дрогнуло во мне,
Чуть удержался на сосне.
А ты напомнила, по праву,
Что влил дракон в него отраву
И что бессонно, неустанно
Ему в пути целила раны.
О помощи молил он тщетно, —
Ты отвечала неприветно,
И я слезу пролил, скорбя.
Не целовал Тристан тебя,
Любовных ласк не добивался,
И я сидел и улыбался». —
«Хвала и слава Небесам.
Уверился ты нынче сам.

Что мы с Тристаном невиновны,
Что, если бы и впрямь греховно
Меня любил племянник твой,
Себя бы выдал с головой.
Ты видел — он мне рук не жал,
Уста к устам не прижимал,
В нем любострастья нет ко мне,
Но ты поверил нам вполне
Лишь потому, что этой ночью
Увидел истину воочью». —
«Все так, — его ответ гласит. —
Бранжьена, Бог тебя спаси,
Беги к племяннику с приказом,
Пускай ко мне приходит разом,
Да отговоркам не внемли:
Мол, ждать не любят короли».
Бранжьена говорит на это:
«Он сжить готов меня со света —
Решил, бог знает почему,
Что я готовлю смерть ему,
Гнев государев разжигая.
Коль от него вернусь живая,
Скажи ему, мой господин,
Нет перед ним за мною вин».
Послушайте-ка мастерицу
На выдумки и небылицы!
«Король, его уговори,
Со мной Тристана помири!»
Король в ответ: «Беги быстрее,
Он будет впредь к тебе добрей».
Изольде смеха не сдержатъ.
Меж тем Бранжьена ну бежать,
Несется, мчится что есть мочи,
Обрадовать Тристана хочет.

Ее рассказ торопит он
И слышит: «Дядей ты прощен».
Бранжьену он благодарит,
Молитву Господу творит
За то, что вновь ему возможно
Изольду видеть бестревожно.
Бранжьена говорит: «Сеньор,
Вел нынче долгий разговор
Король с твоей Изольдой милой.
Все поросло быльем, что было,
Он снова верит только вам,
А не наушникам-врагам.
Звать к королю тебя пришла я.
Его уверила, рыдая,
Что на меня имеешь зуб, —
Так будь со мной свиреп и груб,
Накинись на меня, брани
И смертью угрожать начни».
Бранжьене он сжимает руки:
Конец мученьям и разлуке!
Вот в расписной покой идут,
Король с Изольдой там их ждут.
Король Тристану: «Подойди же
Ко мне, племянник. Ближе, ближе.
Гнев на Бранжьену потуши,
А мной прощен ты от души». —
«Мой государь, мой дядя милый,
Когда б ты ведал, как изныло
От горя все мое нутро,
Не стал бы говорить добро
О ней, бесстыжей клеветнице.
В аду ей место, дьяволице!
Молю, наветчиков гони ты,
Речей поносных, ядовитых

Не слушай впредь: то злые козни
Врагов, что жаждут нашей розни.
На королеву не гневись,
Душой к племяннику смягчись
И гнев перемени на милость». —
Король с Тристаном помирились.
Тристан в покое дяди спит¹¹,
К Изольде путь ему открыт, —
Он к ней, когда захочет, входит, —
Король и бровью не поводит.

Но как, любя, любовь сокрыть?
Ее не спрятать, не зарыть,
Не положить ее под спуд.
Друг к другу любящие льнут,
Ведут беседы меж собой,
Подслушать может их любой.
Они врагов не замечают,
Едва лишь врозь — уже скучают.

А три барона, три злодея,
Тристана погубить затея,
Дают такое обещанье:
На веки вечные в изгнанье
Его пошлет король, а нет —
Нарушат верности обет,
Вернутся в замки и все трое
На короля пойдут войною.
Не раз случалось видеть им
Под деревцом под привитым
В укромном и безлюдном месте
Тристана и Изольду вместе.
Нередко застигали их
В постели короля нагих.

Король на лов спешит чем свет,
Тристан за ним немедля вслед,
Потом он тайно едет прочь,
С Изольдою проводит ночь.
И сговорились так бароны:
«Мы будем тверды, непреклонны,
И пусть король решит тотчас,
Его он выберет иль нас».
И к королю они пошли,
И, вставши рядом, повели
Наушники такую речь:
«Король, тебя предостеречь
Велит вассалам долг священный.
Узнай про черную измену:
С Изольдой любится Тристан,
И знают все про тот обман.
Не стерпим этого позора!»
Король не поднимает взора.
Твердит бессвязные слова,
Клонится долу голова.
«Ты тоже видишь, тоже знаешь,
Но признаваться не желаешь,
Готов прикинуться слепым,
Не воздаешь, как должно, им
За вероломное деянье.
Пошли племянника в изгнание,
А если наш совет отринешь,
Ну что ж, ты сам свой жребий вынешь.
Мы в замки от тебя уедем,
И кликнем клич ко всем соседям,
И разорим войною край.
Мы ждем ответа. Выбери!» —
«О добрые мои вассалы,
Ужель позором небывалым

Племянник мой меня покрыл?
Поверить этому нет сил.
Вы связаны со мной обетом,
Ваш долг — мне помогать советом.
Я доверяю вам вполне,
Гордыни ложной нет во мне». —
«О государь, зови скорее
На помощь карлу-чародея:
Он в тайны многие проник
И по звездам читать привык —
Послушайся его совета».
Король согласен и на это.
И вот уже Фросин идет
И королю совет дает.

Еще не слыхано на свете
О столь предательском совете!
Он по звездам все числил, числил
И дело страшное замыслил.
Проклятье, племя колдунов,
Вам до скончания веков!
«К Артуру-королю пошли
Племянника, да повели
Не мешкать — важное, мол, дело.
Рукой подать до Кардуэла¹².
Дай грамоту ему с собою,
Скрепи печатью восковою —
Чем свет пусть едет в путь недалкий.
Он спит в твоей опочивальне,
И ты отдай ему приказ
Поближе к ночи, не сейчас.
Чуть первый сон на всех наляжет,
Ты выйди вон, но будь на страже.
Король, мое послушай слово:

Я верою клянусь Христовой,
Коль страсть и впрямь Тристана гложет,
К Изольде он придет на ложе.
Тебе скажу, про то прознав,
А если буду я не прав,
Готов расстаться с головою.
Что надобно, я сам устрою,
Приказ же не забудь отдать
Лишь перед тем, как ляжешь спать». —
«Быть по сему», — король ответил.
Никто их встречи не заметил.

Послушайте же про затею
Того Фросина-лиходея.
Муки у пекаря купил,
Ему четыре заплатил
Денье¹³, потом муку упрятал
За пазуху горбун проклятый.

Настала ночь, кругом темно,
Король отужинал давно,
На ложе лег и говорит:
«Ты встань, племянник, до зари
И сразу оседлай коня:
Гонцом поскачешь от меня.
Как только будешь в Кардуэле,
Послание о важном деле
Артуру-королю вручи,
А как вручишь, назад скачи
И предо мной предстань тотчас». —
«Король, исполню твой приказ», —
Так рыцарь говорит в ответ.
«Да помни, соберись чем свет». —
И вот печаль Тристана точит:
Сказать хоть два словечка хочет
Изольде он, а до нее
Недолг путь — длиной с копье.

Он думает: «Я обожду,
Тишком к Изольде подойду, —
У короля не чуток сон».

О, как неосторожен он!

Узнайте, что Фросин удумал:

К постелям подошел без шума

И пол меж ними он мукой

Усыпал щедрою рукой.

Глубокий след оставит тот,

Кто ночью по полу пройдет.

Тристан как будто скован сном,

Но он следит за горбуном:

Он знает — надо ждать худого

От ненавистника такого.

«Понятен умысел его:

Муку он сыплет для того,

Чтоб этой ночью мы следами

Себя изобличили сами.

Но мы не попадем в капкан».

А на охоте днем кабан

Ему клыком поранил ногу,

И кровь сочилась понемногу.

Повязки он не наложил

И, на беду, о том забыл.

Тристан лежал без сна и слышал,

Как в полночь встал король и вышел

И как, мукой усыпав пол,

Во след за ним горбун ушел.

В покое тьма, свеча погасла,

В светильнике иссякло масло.

Тристан поднялся и — о боже! —

К Изольде он прыгнул на ложе.

Как рыцарь был за то наказан!

Внемлите ж моему рассказу.

Беда! Раскрылась рана вновь,
На простынях повсюду кровь,
Все ложе выпачкано кровью.
Но ослеплен Тристан любовью,
Изольду обнимает он.
Фросин глядит на небосклон
И видит — любящие вместе,
Заране радуется мести
И шепчет королю: «Пойдем,
Сейчас застанешь их вдвоем».

Меж тем бароны тут как тут,
Погибели Тристана ждут,
От нетерпения дрожат,
За королем в покой спешат.
И слышит рыцарь их шаги,
И понимает — то враги,
Встает и на свою кровать
Неслышно прыгает опять.
Но кровь сильнее заструилась,
Мука от крови обагрилась.
Им не спастись теперь! Сорви
Изольда простыни в крови,
Все отрицать могли бы оба,
И смолкла бы в бессилье злоба.
Увы! Лишь всемогущий Бог
Сейчас их вызволить бы мог.
Горбун-Фросин свечу зажег.
Король вступает на порог.
Тристан на все лады храпит,
И Перинис¹⁴ как будто спит
Сном праведным в его изножье.
Изольда неподвижна тоже.
Но проступает, словно ржа,
Кровь на муке, еще свежа,

Она на простынях, везде.
О боже правый! Быть беде!
Уже не оправдаться им.
Гнев короля неумолим.
Он видит этот след кровавый
И родичу грозит расправой.
Тристан на ложе безоружный —
Баронам этого и нужно.
Как велико их торжество!
Хватают трое одного,
Изольду и его хуля,
Гнев распаляя короля.
Король меж тем глядит на рану
И грозно говорит Тристану:
«Молчи! Пришел твой смертный час!
Я уличил обоих вас». —
«Будь милостив, Христом молю!» —
Тристан взывает к королю.
Предатели кричат: «Сеньор,
Отмсти ему за свой позор!» —
«Я умоляю о пощаде
Не для себя, о милый дядя!
Покорен я своей судьбе
И не радею о себе.
Моим злодеям дал бы бой¹⁵,
Когда б не страх перед тобой
И гневом, государь, твоим.
Не поздоровилось бы им,
Покинули бы этот свет,
Но на тебя обиды нет.
Пусть ты не прав — я не сужу
И жизнь к ногам твоим сложу.
Но королеву пощади,
К ней, неповинной, снизойди.

Пусть вслух произнесет любой
Вассал иль домочадец твой,
Что к ней питаю страсть срамную, —
Его к ответу призову я
И в поединок с ним вступлю.
О, пощади ее, молю!»
Король молчит, не глянув даже.
Веревками бароны вяжут
И королеву, и Тристана.
О, как их злоба неустанна!
Когда бы знал заране рыцарь,
Что в поединке обелиться
Ему бароны не дадут,
Не потерпел бы подлых пут,
Скорей бы с жизнью распрощался.
Но он на Бога полагался
И знал, что, если кто посмеет
Скрестить с ним меч, уж он сумеет
Шутя расправиться с любим:
Был меч его непобедим.
Лишь потому все претерпел,
Что разжигать он не хотел
Гнев короля еще сильнее.
Но знай Тристан, какой злодеи
Ему замыслили удел,
На короля б не посмотрел,
Прикончил бы врагов постылых.
О, почему он не убил их!

И вот приходят в город вести,
Что, мол, застиг средь ночи вместе
Король Изольду и Тристана
И, страшным гневом обуянный,
Казнить обоих хочет он.
Повсюду плач, повсюду стон.

«Тристан, могучий средь могучих!
Мы льем потоки слез горючих.
Тебя оклеветал Фросин —
Во всем виновен он один!
А ты, о королева наша, —
В каком краю видали краше,
И милосердней, и добрей?
Сгубил Изольду чародей!
Да будет проклят Богом тот,
Кто на злодея набредет
И не отрубит головы.
О друг Тристан, увы, увы!
Мы за тобой, как за стеной,
Защиты нет у нас иной.
Когда Морхольт приплыл сюда,
Чтоб на чужбине навсегда
Рабами наши дети стали,
Бароны, как один, молчали.
Никто не встал за нас горой,
Не вызвал пришлеца на бой.
Лишь ты, Тристан, не отступился,
За нас, за корнуэльцев, бился,
И был Морхольт тобой сражен,
Но и тебя изранил он,
И смерть в глаза тебе глядела.
Ужель неправедному делу
Свершиться мы дадим сейчас?»
И громок был народный глас,
Сбегался к замку бедный люд,
Но Марк-король от гнева лют,
Он всем грозит, и никому
Уже не подойти к нему
И за виновных заступиться.
Восходит на небо денница,

И яму рыть король велит
В том месте, где он суд чинит,
И дно в глубокой этой яме
Устлать колючими ветвями,
И бросить в яму тернослив,
Боярышником все прикрыв.
Уже глашатаи на сход
Сзывают весь честной народ, —
Таков-де короля приказ.
И вот, не осушая глаз,
Стекается и стар и млад,
И люди голоса не в лад,
И между всеми не уныл
Один лишь гнусный карла был.
Король вещает всенародно:
Сжечь на костре ему угодно
Племянника с женой своей.
Все громче стоны, плач сильней.
«Король, преступишь ты завет:
На них вины, быть может, нет,
И должно их судить сперва».
Но гневны короля слова:
«Клянусь бессмертным, всемогущим
Создателем всего, что суще,
Кто скажет мне наперекор,
Тот будет брошен в сей костер.
Моей не прекословьте воле
И мне не докучайте боле».
Велит король огонь разжечь,
Скорей на казнь Тристана влечь —
Пусть первым на костер взойдет.
Отдав приказ, он молча ждет.
Веревками — о стыд и срам! —
Был рыцарь связан по рукам.

Напрасна слезная мольба —
Ведут Тристана, как раба.
Изольда ярости полна.
«Прекрасный друг, — кричит она, —
Тебя связали, осквернили!
Пускай меня б они казнили,
Лишь ты остался б невредим
И отомстил жестоко им!»

Поведаю, сеньоры, ныне
Вам о Господней благостыне.
Всех наших чаяний оплот,
Он на смерть грешника не шлет:
Склонясь к мольбам простого люда,
Великое свершает чудо.

Ведут Тристана на костер
По той тропе, где с давних пор
Часовенка стоит на взгорье,
Абсидою глядится в море.
А берег и высок и крут,
И по обрыву там и тут
Камнями острыми усеян.
Кто прыгнет вниз, ломает шею.
Окно в абсиде словно лал.
Его по стеклышку собрал
Монах в давнишние года.
И говорит Тристан тогда:
«Прошу, дозвоьте по пути
Мне в этот Божий дом войти.
Стою у смертного порога,
А в жизни согрешал я много;
Молитву Богу вознесу
И душу, может быть, спасу.
Вы при мечях, я безоружен,
От горя ослабел, недужен,

А здесь всего одна лишь дверь,
Мне не уйти от вас теперь.
Всевышнему я помолюсь,
Покаюсь и тотчас вернусь».
И слышит он такой ответ:
«Ну что ж, худого в этом нет».
Вот он свободен от веревок,
В движеньях снова спор и ловок,
Ни мига не теряя зря,
Несется мимо алтаря
И из окна, с отвесной кручи
Кидается, затем что лучше
Разбиться насмерть, чем живьем
Сгореть при скопище таком.
Но буйный ветер налетает,
Его одежду раздувает,
Несет на камень плоский плавно —
Спасен от смерти рыцарь славный.
Тот камень, в память этой были,
«Прыжком Тристана» окрестили.
Молящихся полным-полно —
Все видели прыжок в окно,
И на колени пал народ.
У входа стража ждет-пождет,
Но попусту: спастись помог
Тристану милосердный Бог.
По берегу бежит песками,
Оглянется, увидит пламя
И мчится как стрела опять.
Никто не мог бы так бежать.
Послушайте о Говернале.
Меч опоясал доброй стали,
Сел на коня и во всю мочь
Из города умчался прочь:

СОДЕРЖАНИЕ

Фрагмент поэмы о Тристане	
<i>Перевод И. Я. Волевич</i>	5
Беруль. Роман о Тристане	
<i>Перевод Э. Л. Линецкой</i>	6
Тристан-юродивый	
<i>Перевод Н. Я. Рыковой</i>	119
Тома. Роман о Тристане	
<i>Перевод Ю. Б. Корнеева</i>	137
Мария Французская. Жимолость	
<i>Перевод Н. Я. Рыковой</i>	231
<i>А. Д. Михайлов</i>	
История легенды о Тристане и Изольде	235
Примечания. <i>А. Д. Михайлов</i>	360